

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Памяти А. П. Чехова.

(Къ 50-тидесятилѣтію со дня рожденія—17 января 1860 года).

А. П. ЧЕХОВЪ.

Чеховъ и его тоска.

(Изъ публичной лекціи).

Долгими зимними сумерками въ темной залѣ, гдѣ скользятъ только бѣглые лучи свѣта съ улицы и тишину которой нарушаютъ только смутные отголоски уличной суеты, хочется думать о Чеховѣ. Его ушедшій въ непроглядную даль образъ словно тутъ, близко и шепчетъ ласковыя слова. Пѣвецъ тоскующей души—онъ угадалъ грусть этихъ сумерокъ и отзывается на нее всѣмъ своимъ нѣжнымъ, мягкимъ сердцемъ. Сумеречные, почти незамѣтные люди съ ихъ сумеречными печальми,—какъ зналъ ихъ Чеховъ! Едва ли не онъ первый показалъ трагедію души, которая не выливается наружу въ крикахъ и рыданіяхъ, а таится глубоко внутри, долго надрываетъ человѣка и только иногда подъ конецъ разражается бурей оскорбленныхъ надеждъ и вѣрованій. Чеховскіе герои носятъ въ себѣ невыразимую муку и тоску, порой прямо задыхаются отъ отчаянія, но... посмотрите на нихъ! Съ перваго взгляда почти нѣтъ признаковъ переживаемой драмы. Они какъ будто живутъ достаточно ровно и спокойно. У нихъ—извѣстное общественное положеніе, друзья, семья и проч. Все какъ слѣдуетъ и, казалось бы, жизнь должна катиться по гладкимъ рельсамъ до своего естествен-

А. П. Чеховъ

подъ окномъ кабинета, въ которомъ онъ работалъ.

А. П. Чеховъ

на террасѣ своего дома.

А. П. Чеховъ въ своемъ имѣніи Мелихово (близъ ст. Лопасня) въ саду въ 1896 году.

наго конца. Но въ томъ то и весь ужасъ такъ мучительно ярко нарисованной Чеховымъ дѣйствительности, что эта плавная, гладкая жизнь является въ сущности агоніей надорванной души.

Но раньше чѣмъ проникнуть въ тайники этой трагедіи надрыва и тоски, Чеховъ прошелъ промежуточный путь, на первый взглядъ ничего общаго не имѣвшій съ его послѣдующимъ творчествомъ. Какъ извѣстно, Чеховъ началъ юмористикой во вкусъ «Будильника», «Стрекозы» и проч. Началь легкимъ, порой легкомысленнымъ смѣхомъ по адресу всѣхъ и вся. Весело, заразительно, до упаду хохоталъ. При всемъ желаніи въ этихъ юмористическихъ вещахъ ранняго періода нельзя усмотрѣть, какъ это однако пытаются дѣлать нѣкоторые, того налета грусти и меланхолии, который бы ихъ соединилъ родственной связью съ позднѣйшимъ чеховскимъ настроеніемъ. Итакъ, Чеховъ началъ пустымъ поверхностнымъ смѣхомъ, смѣхомъ фарса или шаржа — все равно какъ его ни назвать. Нельзя навязывать этому смѣху никакихъ трагическихъ нотъ, но все таки, оглядываясь на всю жизнь писателя, задаешься вопросомъ: что это былъ за смѣхъ?.. Онъ потѣшалъ имъ

А. П. Чеховъ.
(Въ бытность студентомъ).

А. П. Чеховъ
на смертномъ одрѣ.

публику, но тѣшилъ ли себя? Люди, которые много и часто смѣются — полны, въ самомъ ли дѣлѣ имъ такъ весело? Развѣ нѣтъ комическихъ актеровъ, которые выкидываютъ на сценѣ невероятные фокусы, но стоитъ имъ сбросить шутовской нарядъ и смѣхъ румяна, какъ они становятся хмурыми, насупленными, съ червякомъ въ сердцѣ, настоящими чеховскими ти пами. Хохотать по обязанности, по профессіи — о, къ этому очень и очень можно привыкнуть, какъ и ко всякому другому занятію. Но мало по малу, Чехъ въ неуповимо освобождался отъ этого паясничества, — неуповимо потому, что онъ какъ будто не переставалъ смѣяться, но самый смѣхъ дѣлался инымъ, съ налетомъ искреннихъ и только раньше затаенныхъ переживаній, съ нотками надрыва. И, наконецъ, смѣхъ обратился въ тотъ чеховскій юморъ, отъ котораго вѣсть по истинѣ ужасомъ отчаянія. Бываетъ такой юморъ, такая нѣмая истерика души. Все истлѣло внутри — и нѣтъ силъ даже рыдать. И вотъ человекъ улыбается. Но какой улыбкой! Блѣдной, безкровной, какъ нѣчто придушенное, сжатое въ тискахъ. Улыбается даже передъ лицомъ самой гибели, которая уже его объяла своимъ ледянымъ дыханіемъ. Люди такъ подавлены, что даже не смѣютъ выражать своихъ страданій. Выражать страданія — это словно роскошь для немногихъ. Остальные улыбаются.

Вы помните смерть Иванова? Провинціальныи свадебный балъ въ разгарѣ. Картина торжествующей пошлости. Женихъ, уже отравленный ядомъ смерти, принимаетъ съ безпечно блуждающей улыбкой поздравленія. Звенятъ бокалы шампанскаго. Суетится праздная толпа кумушекъ. И вдругъ это сухое, короткое, прощальное „оставьте меня“, сухой трескъ выстрѣла — и нѣтъ Иванова, только что улыбавагося въ своей роли счастливаго новобрачнаго... Такова эта улыбка, эта улыбающаяся гримаса смерти. Она долго кривила и черты самого Чехова. Но позвольте отмѣтить одну удивительно трогательную черту.

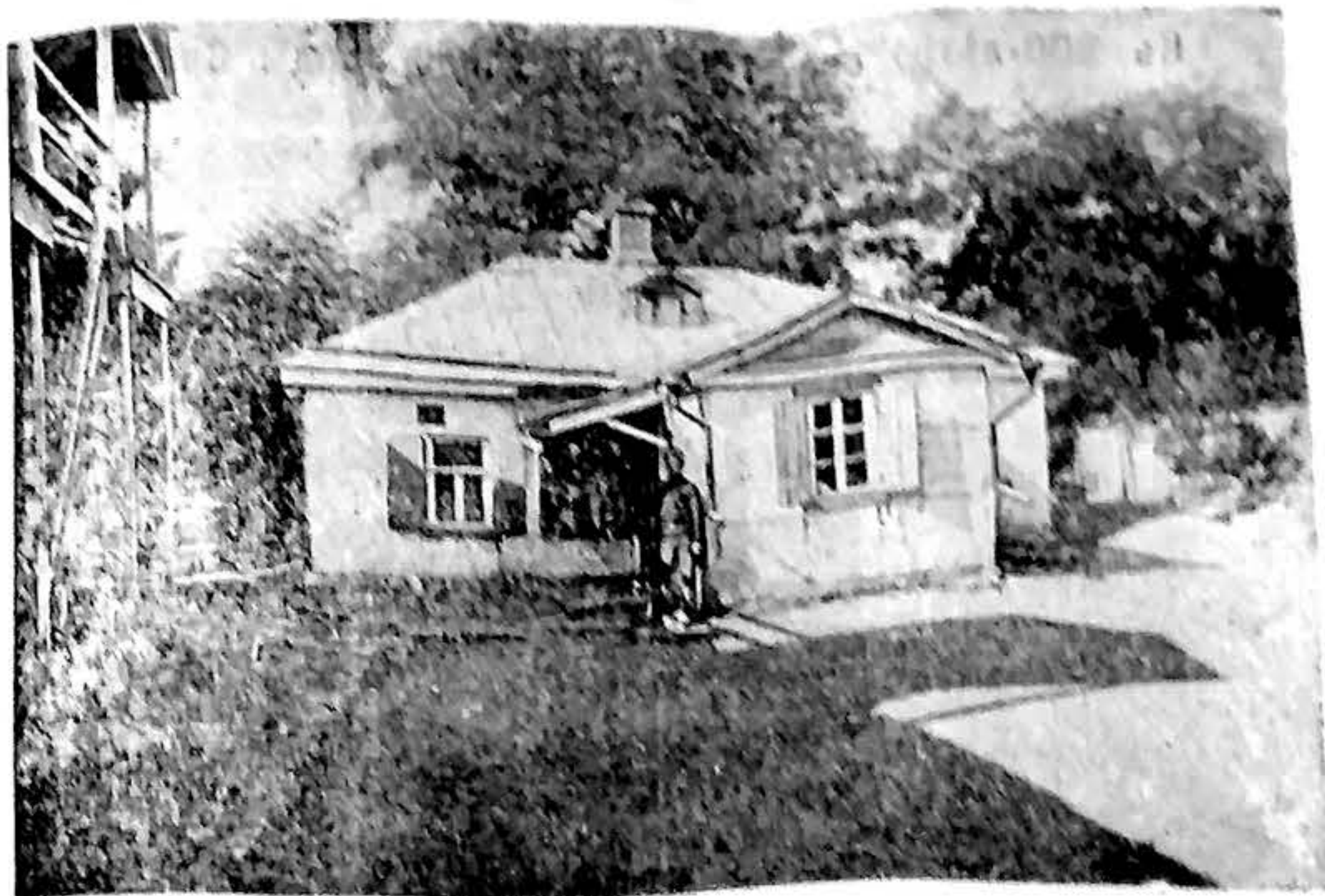
Скорбный меланхоликъ въ послѣдній періодъ своей жизни — онъ, по мѣрѣ того, какъ смертельный недугъ подтачиваетъ его силы — какъ бы свѣтлѣетъ душой и, наперекоръ злой болѣзни, рвется въ розовую высь. На порогъ могилы раздается его голосъ — по прежнему скорбный, но сквозь печаль и сумракъ дѣйствительности звенящій чистой надеждой на какой то радостный лучъ впереди. Умиращій — онъ словно заг ядываетъ въ ту даль будущаго, которая закрыта непроницаемой завѣсой отъ живущаго, и видитъ въ ней свѣтлая, умиляющія картины. И самая смерть уже не рисуется ему костлявой безобразной старухой съ клюкой, а прелестной феей — освободительницей отъ всѣхъ тяготъ земли.

Гдѣ же, однако, источникъ той трагедіи, душевнаго краха, холоднаго ужаса, развѣдающаго все существо человека, который наше въ себя въ Чеховъ такого потрясающаго изобразителя? Чеховъ ясно въ длинномъ рядѣ своихъ произведеній отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Тусклость, проза окружающаго, отсутствіе яркихъ красокъ, радостей, идеаловъ, однообразіе обстановки — вотъ его грозный и безпощадный во всей своей правдивости отвѣтъ. За послѣднія десятилѣтія въ удушливомъ смирѣ погасли всѣ лучшія стремленія, все живое — живыя мысли, чувства, слова. Усталые, надорванные, — мы отдавались подъ власть сѣрыхъ будней и теряли постепенно всякій высшій духовный интересъ къ жизни. Жить

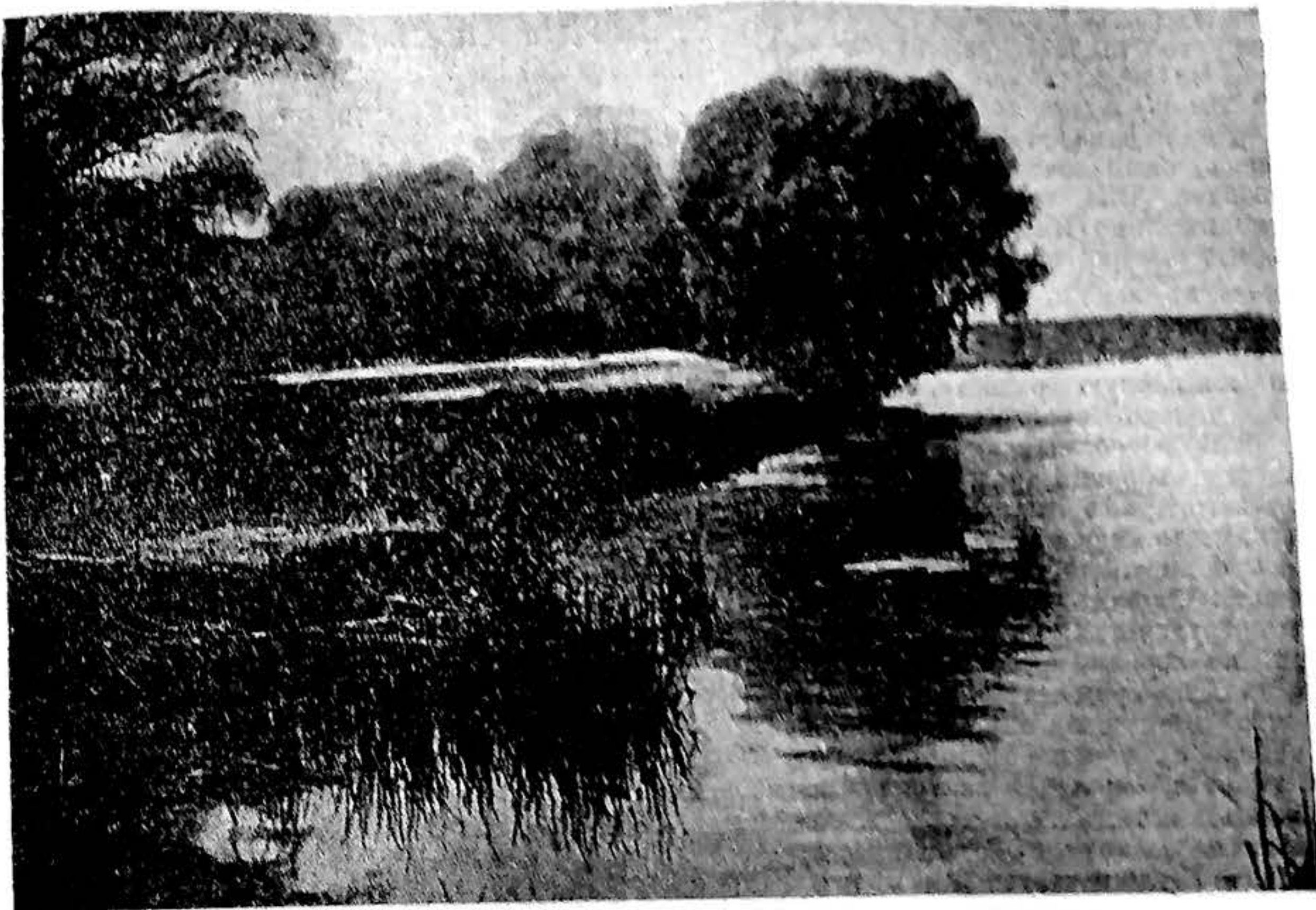
становилось нечѣмъ и не изъ за чего. Вспомнимъ огромную галлерею чеховскихъ изжившихъ себя героевъ, людей, у которыхъ духовная смерть значительно опередила физическую. Особенно ужасна картина безнадежно опустившейся интеллигенція. Либо сухіе и скучные карьеристы, люди въ самыхъ разнообразныхъ футлярахъ, либо алкоголики, развратники, картежники, кутилы, либо, наконецъ, нытики, доживающіе свой вѣкъ въ бессильныхъ порываніяхъ къ чему то даже для нихъ самихъ туманному, смутному. И это даже на такихъ вершинахъ интеллигенціи, которыя, казалось бы, крѣпко на крѣпко застрахованы отъ полного нравственнаго распада. Возьмемъ, на примѣръ, стараго профессора въ «Скучной исторіи». Вся жизнь и дѣятельность его окружена была такой атмосферой науки и труда, что, оглядываясь на нее, можно было чувствовать только глубокое удовлетвореніе. И что же? Старый профессоръ, подводя итоги, приходитъ къ заключенію, что онъ дѣлалъ совсѣмъ не то, что нужно, и совсѣмъ не такъ, какъ нужно. Фальшь была во всемъ. Въ его отношеніяхъ къ студентамъ, у которыхъ онъ добивался популярности, въ отношеніяхъ къ пациентамъ, которымъ онъ старался внушать вѣру въ свой авторитетъ, въ отношеніяхъ къ семьѣ, которая его цѣнила только какъ надежную опору для удобнаго и обезпеченнаго существованія. Фальшь, фальшь!.. И когда старый профессоръ, сознавъ это, хочетъ быть искреннимъ, ему остается только сознать свое бессиліе. Молодая, чистая женская душа спрашиваетъ его, какъ жить. И онъ, хмуро поникнувъ головой, признается: «не знаю»... Онъ, достигшій, кажется, вершинъ общепризнаннаго благополучія!.. Что же послѣ этого говорить о другихъ!? Всѣ эти врачи, которые съ университетской скамьи не прочли ни одной книги, адвокаты, по ошибкѣ защищающіе одного вмѣсто другого, инженеры, производящіе измѣренія несуществующихъ полей, чиновники, играющіе отъзеленой скуки въ карты, названные ими вмѣсто обычныхъ тузовъ, королей и пр. по фамиліямъ своихъ начальниковъ, земцы, протягивающіе мужикамъ руку въ перчаткахъ, помѣщики, топящіе собакъ, и пр. пр.—все это накупъ безвременья, люди бессильной, безкрылой души. Муть будничной пошлости, въ которую они погрязли по уши, давитъ ихъ и—рано или поздно—но наступаетъ моментъ, когда нарывъ прорывается и сознаніе бессмысленно проведенной жизни создаетъ трагедію безысходнаго отчаянія. Что можетъ быть ужаснѣй безсилія души? Самая простая, самая обыкновенная движенія сердца оказываются тогда уже недоступными. Въ чеховскомъ рассказѣ старый архитекторъ Узелковъ («Старость») случайно попадаетъ въ покинутый имъ еще въ молодости родной городъ и узнаетъ тамъ, что

Хакки-паша,
новый великій визирь Турціи.

Домъ, въ которомъ родился А. П. Чеховъ въ Таганрогѣ.
(Александровская ул., домъ № 47).

Тихія заводи—любимое мѣсто А. П. Чехова.

сталось съ его бывшей женой. Брошенная имъ, она низко опустилась въ захолустіи, гдѣ неоткуда было ждать даже слабаго луча свѣта, попала въ руки негодяевъ, спилась и въ горячкѣ умерла. Узелковъ на мгновеніе отдался во власть прошлаго... Очутившись на кладбищѣ, полный думъ о своей одинокой старости, онъ съ тяжелымъ чувствомъ стоялъ у женной могилы.

Ему вдругъ захотѣлось плакать, страстно, какъ когда то хотѣлось любить. И онъ чувствовалъ, что плачь этотъ вылетѣлъ бы у него вкусовой, освѣжающій. На глазахъ выступила влага, и уже къ горлу подкатилъ комъ, но... рядомъ стоялъ Шапкинъ и Узелковъ устыдился малодушествовать при свидѣтеляхъ. Онъ круто повернулъ назадъ и пошелъ къ церкви.

Только часа два спустя, переговаривая со старостой, и осмотрѣвъ церковь, онъ улучилъ минутку, когда Шапкинъ заговорился со священникомъ, и побѣжалъ плакать... Подкрался онъ къ памятнику тайкомъ, поровски, ожемигнуто оглядываясь. Маленькій, бѣлый памятникъ глядѣлъ на него задумчиво, грустно и такъ невинно, словно подъ нимъ лежала дѣвочка, а не распутная, разведенная жена.

«Плакать, плакать!»—думалъ Узелковъ. Но моментъ для плача былъ уже упущенъ. Какъ ни мигалъ глазами старикъ, какъ ни настраивалъ себя, а слезы не текли и комъ не подступалъ къ горлу... Постоивъ минутъ десять, Узелковъ махнулъ рукой и пошелъ искать Шапкина.

Итакъ, полнѣйшая неспособность поддаваться искреннимъ влеченіямъ, и отсюда постепенное замираніе всѣхъ сердечныхъ струнъ. На что ужъ свѣжее, ароматное, поэтическое чувство—любовь—и оно сплошь и рядомъ прямо пугаетъ бессильныя чеховскія души. Въ рассказѣ «Вѣрочка» молодой статистикъ Огневъ пугается, когда чудная дѣвушка съ трогательной ис-

кренностью первая признается въ своемъ чистомъ чувствѣ.

— Я... я люблю васъ!

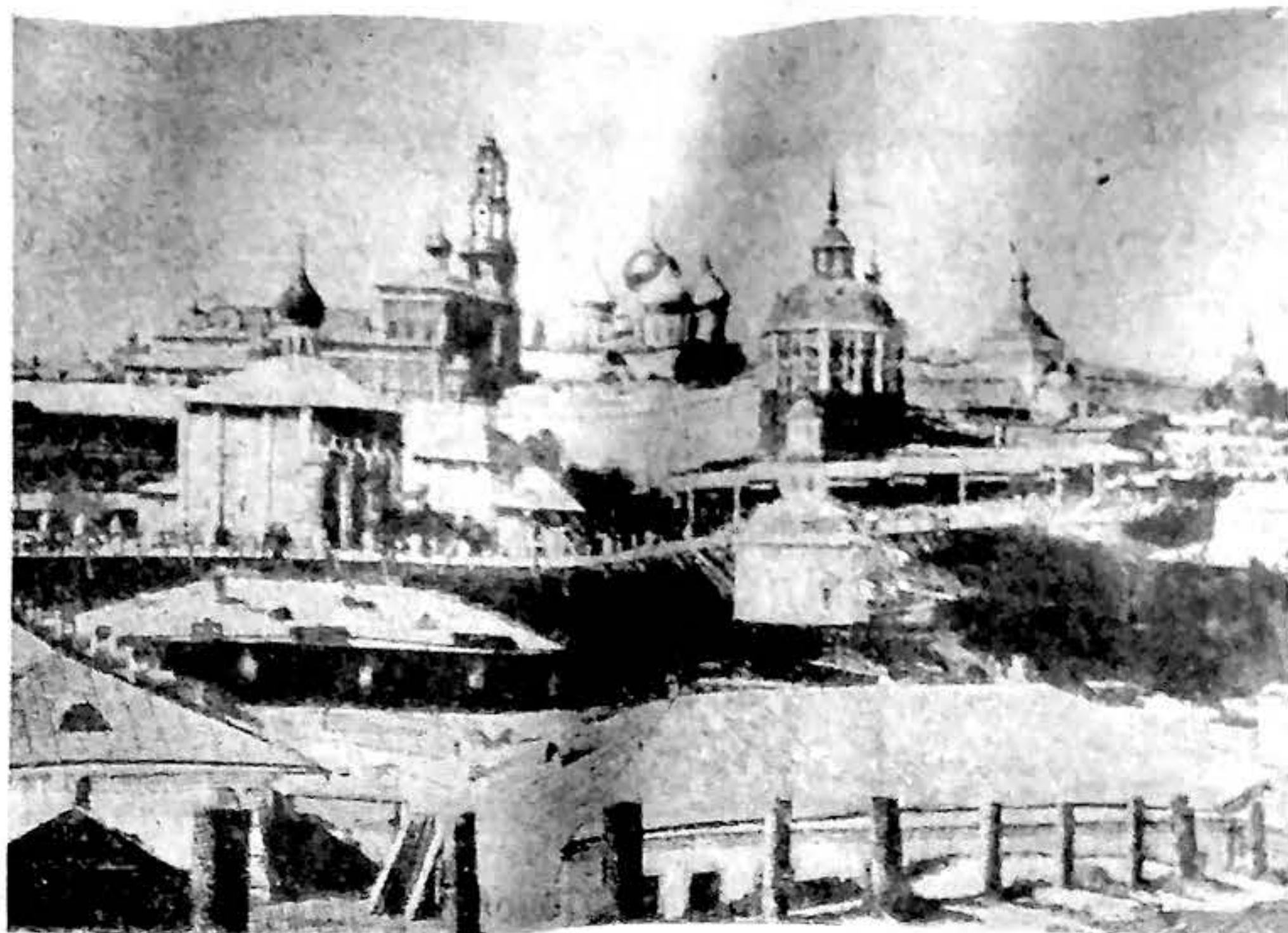
Эти слова, простые и обыкновенныя, были сказаны простымъ человѣческимъ языкомъ, но Огневъ въ сильномъ смущеніи отвернулся отъ Вѣры, подилен и послѣ за смущеніемъ почувствовалъ испугъ.

Грусть, теплота и сентиментальное настроеніе, навѣяныя на него прощаніемъ и наливкой, вдругъ исчезли, уступивъ мѣсто рѣзкому, неприятному чувству полноты. Точно перевернулась въ немъ душа, кончикъ коснулся на Вѣру, и теперь она, послѣ того, какъ, объяснявшись ему любви, сбросила съ себя неприступность, казалась ему какъ будто ниже ростомъ, проще, темнѣе.

Александръ Ивановичъ Герценъ.
(Съ портрета работы Ге).
(Къ 40-лѣтію со дня смерти—1870-1910
9-го января).

Къ 300-лѣтію снятія 16-тимѣсячной осады Свято-Троицкой Сергіевои Лавры, 12 января н. г.

Современный видъ лавры.

«Что же это такое?»—ужаснулся онъ про себя. «Но вѣдь я же ее... люблю, или нѣтъ? (Вотъ задача то!»

А она, когда самое главное и тяжелое, наконецъ, было сказано, дышала легко и свободно. Она тоже поднялась и, глядя прямо въ лицо Ивану Алексѣевича, стала говорить быстро, неудержимо горячо.

Объясняясь въ любви, Вѣра была плѣнительно хороша, говорила красиво и страстно, но онъ испытывалъ не наслаждение, не жизненную радость, какъ бы хотѣлъ, а только чувство состраданія къ Вѣрѣ, боль и сожалѣніе, что изъ-за него страдаетъ хороший человѣкъ. Богъ его знаетъ, заговорилъ ли въ немъ книжный разумъ, или сказала неодолимая привычка къ объективности, которая такъ часто мѣшаетъ людямъ жить, но только восторги и страданія Вѣры казались ему приторными, не серьезными, и въ то же время чувство возмущалось въ немъ и шептало, что все, что онъ видитъ и слышитъ теперь съ точки зрѣнія природы и личного счастья, серьезнѣе всякихъ статистикъ, книгъ, истинъ... И онъ злился и винилъ себя, хотя и не понималъ, въ чемъ именно заключается вина его.

Здѣсь необходимо еще коснуться женскихъ образовъ Чехова. Какъ тургеневскія, такъ и чеховскія героини отмѣчены особой печатью чистой, мечтательной поэзіи. Имъ особенно душно въ создавшейся вокругъ тяжелой атмосферѣ, онѣ съ особой страстностью ищутъ выхода, рвутся къ свѣту и простору. Иныя впрочемъ смиренно несутъ свой крестъ—и для этой красоты женскаго самоотверженія Чеховъ находитъ самыя трогательныя воплощенія. Иныя протестуютъ и даже падаютъ въ непосильной борьбѣ, и нашъ писатель дышетъ безграничной жалостью къ этимъ жертвамъ уродливыхъ условій жизни. Въ разсказѣ «Несчастье» молодая женщина тшетно борется съ черствой апатіей и полнымъ равнодушіемъ къ ея душевному міру, какое проявляетъ ея законный супругъ. Облѣнившимся, жиромъ заплывшему мужу нѣтъ никакого дѣла до того, какъ она томится пустотой и скукой, какъ она жаждетъ хоть какого-нибудь смысла и цѣли въ жизни. А искушеніе близко: молодой адвокатъ тутъ неотступно возлѣ... Онъ говоритъ зажигательныя рѣчи, онъ зоветъ ее куда то. Самое ужасное—что она даже и не вѣритъ этимъ благороднымъ рѣчамъ, но и такъ жить, какъ прежде, ей не подъ силу. Она дѣлаетъ послѣднюю попытку остаться вѣрной женой и матерью, она прямо говоритъ обо всемъ мужу, но тотъ, сонный, вялый, съ первыхъ же фразъ останавливается ее избитыми сентенціями, и этимъ все и ограничивается. Отъ тупого самодовольства мужа ей дѣлается такъ холодно, непріятно, жутко, а весенній вечеръ манитъ томной свѣжестью, дразнитъ

Преосвященный Иннокентій,
новый экзархъ Грузіи.

натянутые нервы... Нѣтъ, больше не въ могу: будь что будетъ, пусть позоръ, раскаяніе, укоры совѣсти, но не это ужасное гнетущее отчужденіе отъ всего живого, дышащаго тепломъ и хоть призрачной лаской... Помните стихи?

Наша жизнь никого не обманетъ.
Все уныло; тоскливые дни...
Но кто вѣритъ, твердить не устанетъ
Обмани, хоть на мигъ обмани!..
Ты надеждами насъ и цвѣтами
И улыбками насъ обмани!..

Жизнь блѣдна и скучна, зато есть другой роскошный, сверкающій то восторгомъ и вдохновеніемъ, то свѣтлымъ умиляющимъ порывомъ міръ. Это—міръ грезъ и мечтаній. И Чехова часто заставляетъ своихъ героевъ мечтать. О чемъ?.. Конечно, все о томъ же: о новой прекрасной жизни. Она кажется то безконечно далекой, то, наоборотъ, очень близкой, и потому съ какимъ то радостнымъ трепетомъ прислушиваешься къ тайнымъ голосамъ сердца, шепчущимъ о ея скоромъ приходѣ. Въ «Трехъ Сестрахъ» есть прелестная, полная волнующаго настроенія сцена. Среди пустыхъ разговоровъ провинціального кружка вдругъ всѣхъ собравшихся обвѣваетъ какое то особенное дыханіе предчувствій и желаній. Тихія сумерки, звуки музыки вдали... И одинъ болѣе другихъ чуткій выражаетъ общее настроеніе неожиданной коротенькой фразой: «Еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ. Если бы знать, если бы знать!»... И

опять робкая, но сладкая пауза, въ которой блаженно замерли усталые люди, которымъ такъ хочется отдыха отъ тревожныхъ загадокъ жизни.

«Мы отдохнемъ»,—утѣшаетъ кроткая Соня дядю Ваню. И тотъ съ глазами, полными слезъ, гладитъ ея головку, вѣритъ, хочетъ вѣрить... «Мы услышимъ ангеловъ, увидимъ небо въ алмазахъ»,—шепчетъ еще Соня, умиленная предчувствіемъ нездѣшняго счастья. И надорванному страдальцу чудится, что онъ уже видитъ лазурныя небеса, и съ далекихъ прекрасныхъ звѣздъ доносятся чудныя гармоніи... А за окномъ стонетъ метель... Холодно, жутко!..

И вотъ это дѣтски чистое Сонино «мы отдохнемъ» и есть та жадная свѣтлая чеховская тоска по иному міру, гдѣ живутъ прозрачныя весеннія души, гдѣ Любовь, Добро и Красота—не жалкія слова, а воплощенные въ каждомъ атомѣ окружающаго животворныя божества, изливающія свой радостный свѣтъ лучами голубого эфира.

Увы, суждено ли когда-нибудь сбыться этой мечтѣ?

Пестрый калейдоскопъ унылыхъ дней уносить съ насъ все дальше и дальше Чехова.

Давно осыпались послѣдніе листья въ «Вишневомъ саду», прощальной элегіи умирающаго писателя. Оголенные стволы—словно черные мертвецы, которымъ уже не воскреснуть. Но природа таитъ въ себѣ вѣчно обновляющіе залюги. Сегодня—саванъ и безбрежная снѣговая пустыня, а завтра—чудный весенній нарядъ, роскошный цвѣтникъ, блещущій переливами радужныхъ красокъ.

Будемъ же вѣрить этому чудесному закону обновленія, и, храня драгоценную память нашего любимаго писателя, будемъ ждать свѣтлой зари будущаго. Когда бы эта зоря ни сверкнула, будемъ вѣрить вмѣстѣ съ Чеховымъ, что она наступитъ, непременно наступитъ.

И тогда чеховская тоска станетъ далекой тѣнью прошлаго, а настоящее будетъ великой радостью здоровой, бодрой, сильной человѣческой жизни.

В. А. ХАВКИНЪ.

Редакторъ и отвѣтственный издатель
С. Х. АРУТЮНОВЪ.